

творчества этого писателя. Он характеризует Горького также через сравнение, но на этот раз, как я уже показал, со «своими великими предшественниками» — Достоевским и Толстым. Разграничение делается с той же силой проникновения в сущность: «для его предшественников, утомленных и пресыщенных фальшью и моральной извращенностью цивилизации, угнетенный и неприветливый класс был убежищем. И любой уход в другой мир является романтизмом. Для Горького класс бродяг был обычной его средой, отсюда и его реализм. Отсюда и наличие сюжетов из жизни этих классов.» Точно выделены и детали в поведении горьковских героев: «то, что культурный человек открывает но открывает нечетко, теоретически и неполно в ходе долгих размышлений и обдумываний, бродяга Горького, зачастую циничный, всегда несчастливый открывает лучше и в духе более трагичной истины.» С другой стороны, интересно отметить, что Ибрэилян ценит то, что «в Горьком сочетаются необыкновенным образом и удачно два отношения к человеческой действительности: моральное и эстетическое», считая, что «Максим Горький вместе с Ромен Ролланом является великим художником, самым гуманным писателем среди своих современников.»

Ссылки Ибрэилян на русскую литературу представляют интерес для любого румынского исследователя, поскольку они помогают лучше понять позицию Ибрэилян по различным более общим проблемам литературы, в равной мере они ценны и для руссита. Каждый, кто хочет представить более полную картину откликов на русскую литературу в Европе в конце XIX и начале XX века, не может пройти мимо творчества Ибрэилян.